

АКАДЕМИК
Л. В. ЩЕРБА

ФОНЕТИКА ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

ОЧЕРК
ФРАНЦУЗСКОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ
В СРАВНЕНИИ С РУССКИМ

ИЗДАНИЕ 7-е

*Допущено
Министерством высшего и среднего
специального образования СССР
в качестве учебного пособия
для институтов и факультетов
иностранных языков*

Государственное издательство «Высшая школа»
Москва 1963

Ответственный редактор

М. И. МАТУСЕВИЧ

Печатается с матриц 1957 года

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ

ГЛАВА I ВВЕДЕНИЕ

А. ЗНАЧЕНИЕ ПРАВИЛЬНОГО ПРОИЗНОШЕНИЯ И ЕГО ТРУДНОСТИ

§ 1. Самый предмет настоящей книги требует разъяснений и, может быть, больших, чем это на первый взгляд казалось бы нужным. Что в самом деле предлагается здесь изучать, т. е. что в сущности надо подразумевать под „французским произношением“ и в более общей форме — под произношением любого иностранного языка вообще?

Очень часто, когда говорят о трудности или легкости произношения того или иного иностранного языка, то думают в сущности о правилах чтения в данном языке и о количестве исключений из этих правил. Так, английское произношение считается трудным, потому что правила чтения в английском языке очень сложны, и научиться механически читать по-английски, не зная языка, в сущности невозможно; наоборот, это представляется до некоторой степени возможным по-немецки, где правила чтения гораздо проще, а потому немецкое произношение считается обыкновенно легким. Однако, хотя французские правила чтения и будут даны в настоящей книге, они вовсе не составляют сущности вопроса о французском произношении.

§ 2. С другой стороны, когда говорят о произношении того или другого языка, очень часто имеют в виду те случаи, когда слова сознательно пишутся не так, как произносятся. По-русски, например, мы говорим *пишѳы, чижѳы*, а пишем по историческим соображениям *пиши, чижѳи*. Далее, мы говорим *красѳица*, а пишем по этимологическим соображениям в одних случаях *красѳится*, а в других — *красѳиться*; мы говорим *щастѳье, жжечь, виск, лѳтка*, а пишем по этимологическим соображениям *счастѳье, сжечь, визг, лѳдка* и т. п. Аналогичные случаи имеются и во французском языке, и о них тоже будет идти речь в этой книге, но опять-таки не они составляют сущность вопроса о французском произношении.

§ 3. Предметом книги является само французское произношение, совершенно независимо от того, как оно изображается

на письме. Дело во французских звуках и способах их сочетать: и те и другие не совпадают с русскими, и им надо научиться, если желательно говорить на подлинном французском языке. Для того чтобы самый вопрос о произношении и значение этого вопроса стали совершенно ясными, необходимо прежде всего понять, что особые трудности кроются даже не в тех звуках, которым нет аналогичных в родном языке учащегося*, а как раз в тех, для которых в этом последнем имеются сходные звуки.

В самом деле, мы воспринимаем деревья весьма различной формы и величины как одинаковые, если они относятся к одной и той же породе; мы воспринимаем также как столы очень разные по внешней форме предметы и часто даже вовсе не замечаем их различий. Точно так же мы нормально воспринимаем, как свои русские *а, э, с, в* и т. д., похожие на них иностранные звуки, хотя бы эти последние и значительно отличались от соответственных русских. При этом в большинстве случаев мы даже не замечаем этих различий, так как на первый взгляд нет ни малейшего практического повода обращать на это внимание. Поэтому, изучая иностранный язык путем простого подражания учителю, мы неизбежным образом подставляем вместо иностранных звуков соответственные или ближайшие русские в полной уверенности, что мы с большим или меньшим успехом подражаем слышанному. Таким путем и получается то плохое произношение, которое нам часто приходится слышать от иностранцев, коверкающих русскую речь и тоже воображающих, что они более или менее правильно ей подражают.

Совершенно необходимо теоретически, на основании всего сказанного, осознать, что натуральная речь взрослых (у детей, особенно дошкольного возраста, это протекает по-другому), обучающихся иностранному языку путем простого подражания речи учителя, является в большинстве случаев** сплошным коверканием иностранной речи, ее карикатурой.

§ 4. Не требует, конечно, доказательства, что в очень многих случаях мы не можем довольствоваться карикатурой иностранной речи, например, при публичных выступлениях, когда комическая форма может испортить самое серьезное и хорошее содержание (ибо форма должна всегда соответствовать содержанию). Однако в тех случаях, когда нам нужно только

* Это зависит от того, что звуки эти привлекают к себе наше внимание, и мы, не отождествляя их ни с какими звуками родного языка, так или иначе стремимся их освоить.

** Говорю „в большинстве случаев“, потому что есть люди с природным имитаторским талантом, которые очень легко перенимают всевозможные особенности чуждого им произношения; но это — единицы.

как-нибудь объясниться с иностранцем, и карикатурная речь как будто может сослужить службу: ведь важно только, чтобы нас поняли.

Но оказывается, что коверкание произношения не только комично, но иногда ведет и к непониманию или по крайней мере к замедлению понимания речи. Дело в том, что зачастую мы считаем за один и тот же звук такие иностранные звуки, которые принадлежат в соответственном языке к разным звуковым типам и способны различать слова. Так, например, английское *man* 'человек' и *men* 'люди' произносятся по-русски одинаково *мэн* *; немецкие *Kamm* 'гребень' и *kam* 'пришел', отличающиеся разным произношением гласного, по-русски произносятся одинаково как *кам*; французские *saute* 'прыгай' и *soite* 'глупая', отличающиеся тоже только гласным, по-русски оба выговариваются как *сот*; различие французских слов *cage* 'клетка' и *cache* 'прячь' скрадывается в едином русском произношении *каш*. Аналогично этому англичане четыре русских слова *пыл*, *пыль*, *пил*, *пиль* произносят обязательно одинаково, ибо для них *ы* и *и*, *л* и *ль* — лишь вариации одних и тех же звуков, вариации, которых они нормально даже не замечают.

Таким образом оказывается, что подобные ошибки в произношении не лучше ошибок, например, в грамматическом роде имен существительных, в падеже и т. п., а зачастую даже хуже их, так как мешают осуществлению основной цели языка — коммуникации, т. е. взаимопониманию.

§ 5. Если какой-либо иностранец будет выговаривать *шяр*, *шяпка*, *Шюра*, *Машя*, то это будет только смешно; если же он скажет *стол* вместо *столь* (как это нормально для всякого англичанина) или скажет *колья* вместо *Колья*, *копья* вместо *копя* ** (как это действительно постоянно и случается с иностранцами, если их никто специально и разумно не учит русскому произношению), то это будет уже разрушением смысла ***. Совершенно очевидно, что, при самых скромных требованиях к устной речи, с ошибками второго рода никак нельзя мириться; но не менее очевидно и то, что мы сами на наш слух не в состоянии судить, какие наши ошибки в произношении делают нас только смешными, а какие мешают нас понимать. Об этом может

* Английское *man* вовсе не произносится *ман*, однако отлично и от *мэн*, подобно тому как немного отлично от этого последнего произносится и *men*.

** Деепричастие от глагола *копить*.

*** Я предлагаю называть ошибки первого типа ошибками выговора, а фонетическими, а вторые — звуко-смысловыми, или фONOлогическими¹.

судить лишь компетентный человек, знающий при этом данный иностранный язык как родной.

§ 6. Научить не делать грубых звуко-смысловых ошибок во французском языке, а также по возможности не быть смешным, говоря по-французски, т. е. именно научить „французскому произношению“, и стремиться настоящая книга. Как это сделать? Мы видели уже, что путем наивного, бессознательного подражания правильной речи учителя это далеко не всегда достигается, так как при этом происходит подстановка на место французских звуков ближайших им русских, и получается, таким образом, то, что в старину называлось „нижегородским французским“. Следовательно надо прежде всего детально осознать все различия как в отдельных звуках, так и в манере их сочетать, которые существуют между французским и русским языком. Они и будут указаны в дальнейшем.

Но надо сразу сказать, что далеко не так легко услышать все эти различия: для этого надо длительно тренировать свое ухо. Наилучшим средством для этого являются так называемые „фонетические диктовки“, т. е. точная запись звуков чужого языка специальным, для этой цели приспособленным алфавитом („фонетическим“). Диктующим может быть учитель, а может быть и говорящая машина (граммофон или магнитофон), которая неопределенное число раз может повторять один и тот же текст абсолютно одинаково.

§ 7. Но, конечно, мало только услышать различия, надо научиться произносить непривычные нам звуки, надо научиться соединять их друг с другом непривычным для нас образом. Этого, конечно, гораздо легче будет достичь благодаря контролю уже воспитанного уха; но можно и еще облегчить себе эту задачу, привлекая данные фонетики, науки, изучающей звуки человеческой речи, а также условия их производства человеческим звукопроизводительным аппаратом. Благодаря этой науке можно сказать, какие движения мы делаем нашими органами речи для производства русских звуков, и как надо изменить эти движения, чтобы получить французские звуки.

§ 8. В конце концов можно сказать, что выучиться правильно произносить по-французски — это все равно, что усвоить себе ряд новых непривычных движений, причем так усвоить их себе, чтобы они стали как бы рефлекторными, т. е. привычными, чтобы они совершались при минимуме контроля сознания. Таким образом изучение того или иного произношения можно уподобить обучению танцам, пению, игре на музыкальных инструментах и т. п. Приходится посредством соответственных упражнений прежде всего развить послушность органов

речи, а затем путем бесконечного повторения сделать безусловно для себя привычными движения органов речи, необходимые для производства французских звуков и их сочетаний. Начинать приходится с того, чтобы, как говорят, „поставить“ себе отдельные французские звуки, аналогично тому, как в пении „ставят“ голос*.

В. ФРАНЦУЗСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОИЗНОШЕНИЕ

§ 9. Другой вопрос, который требует разъяснений, — это смысл слова „французский“ в применении к произношению.

В самом деле, если литературный язык является, при всем своем разнообразии, безусловно чем-то единым, то этого нельзя сказать про произношение, где обычно наблюдаются в отношении ряда произносительных особенностей различные варианты, не выходящие, однако, за пределы нормы. Это справедливо, конечно, для французского языка так же, как и для русского. В Ленинграде, например, говорят *рамки, спрафки*, а в Москве говорят (или по крайней мере говорили) *рамьки, спрафьки*; одни говорят *купался, чесался*, а другие — *купалса, чесалса*; одни говорят *вожжи*, другие — *вожжы*, третьи — *вожджи*; одни говорят *кирпичный*, другие — *кирпиный*; одни говорят *тащи*, другие — *ташиши* и т. п. Во французском языке колебаний в произношении во всяком случае не меньше, а скорее гораздо больше.

[§ 10. Современная французская произносительная норма создавалась в длительном процессе развития французского языка. Как известно, уже в конце XII века диалект Иль-де-Франса начинает брать верх над другими диалектами, потому что именно Иль-де-Франс становится постепенно центром политической власти в стране; его правители объединяют вокруг себя земли ближайших феодалов и укрепляют в борьбе с ними королевскую власть, опираясь при этом на растущие города и привлекая к управлению городскую буржуазию. Дальнейшая централизация власти и ее усиление способствовали окончательному укреплению иль-де-франсского диалекта, который и лег в основу общенационального языка как в области грамматики и лексики, так и в области произношения.] (*От редактора*).

[§ 11. Общенациональная французская произносительная норма (орфоэпия) отработывалась в течение нескольких столетий.

* Этим едва ли не впервые стали у нас заниматься по моей инициативе в Лаборатории экспериментальной фонетики Ленинградского Университета.

тий: она постепенно совершенствовалась, отшлифовывалась и в результате стала организованной произносительной системой, признанной повсеместно за так называемое образцовое произношение. Таким образом, эта усовершенствованная произносительная система общенационального языка и является сейчас нормой не только в Париже и на севере Франции, но признается образцовой также и во всей Франции.

С развитием культуры и приобщением к ней все более широких слоев народа, литературная французская орфоэпическая норма все больше распространяется: ей обучают в школе, она культивируется в театрах, кино, звучит по радио, которое является могучим фактором ее распространения.

Следует отметить, что, несмотря на непрерывное развитие французской произносительной нормы, изменения в ней происходят очень медленно, и ее основные особенности чрезвычайно устойчивы.] *(От редактора).*

§ 12. Но если вопрос о том, какое французское произношение следует изучать нам — иностранцам, теоретически решается относительно легко, то практически он все же остается крайне трудным. Во-первых, это произношение до конца не кодифицировано, и между отдельными исследователями в некоторых случаях существуют разногласия. Да это и не может быть иначе, ибо все они исследуют действительность, а действительность бесконечно диалектична. Следовало бы сказать, что этой диалектичной действительности мы и должны научиться. Это конечно так, но методически это невозможно. Начинающему учащемуся нужно дать стандарт, а не что-то такое, что может быть так или иначе. Лишь когда учащийся выучится этому стандарту, ему можно приоткрыть двери в эту калейдоскопическую действительность. Наметить этот педагогический стандарт — дело нелегкое.

§ 13. Во-вторых, произношение не стоит на месте, а эволюционирует: парижское произношение до первой мировой войны и после нее несколько отлично*.

Произошло это, по-видимому, также и в связи с изменениями в составе парижского населения: убыль его (убитыми на войне) пополнилась провинциалами, а в ряды буржуазии кроме того влилось значительное количество так называемых „*nouveau riches*“, т. е. людей, разбогатевших в связи с войной. Но никаких исследо-

* Это особенно бросилось мне „в уши“, когда я в 1927 г., после 20-летнего промежутка, провел два месяца в Париже, усиленно посещая театры и производя кое-какие фонетические наблюдения среди студенческой молодежи.

ваний парижского произношения сегодняшнего дня, сколько мне известно, нет, кроме статей Н. Pernot в *Revue de Phonétique* (Г, 24), который свои наблюдения проводил, по-видимому, главным образом среди студенческой послевоенной молодежи. Однако никаких сопоставлений с довоенным положением вещей он не делает. Поэтому приходится пока что держаться традиционных установок и в общем учить сравнительно хорошо разработанному в литературе произношению зрелых поколений, лишь с теми оговорками, которые можно сделать на основании уже имеющихся наблюдений².

В. ЧТО ТАКОЕ ОТДЕЛЬНЫЙ ЗВУК ЯЗЫКА?

§ 14. Прежде чем перейти к систематическому изложению предмета настоящей книги, нужно разъяснить одно основное понятие. В самом деле, мы уже неоднократно оперировали понятием отдельного звука речи; между тем это казалось бы простое традиционное понятие на самом деле требует больших объяснений. Более или менее очевидно, что отдельные звуки речи получаются в результате анализа слов данного языка, и что это кратчайшие их отрезки, отсечение, прибавление и замена которых могут давать в данном языке другие слова или по крайней мере другие смысловые части слов, например: если у слова *парка* (род. ед.) отнимем конечное *а* — получим *парк* (им. ед.), отнимем *к* — получим *пар*, отнимем *р* — получим *па* (в танцах), отнимем начальное *п* — получим *а* (союз) и т. п. Или, сравнивая друг с другом слова *Шура*, *Мура*, *фура*, *дура*, *кура*, *Юра*, *Нюра*, мы замечаем, что при общей конечной части *ура* они отличаются друг от друга только началом *ш*, *м*, *ф*, *д*, *к*, *й*, *нь*, которые, таким образом, и выделяются как отдельные звуки речи.

§ 15. Вслушиваясь, однако, внимательно в произношение звука *ы*, например, в словах *корыто*, *быт*, *мыло*, *сыпать*, с одной стороны, и в словах *рыть*, *быть*, *мылить*, *сып* — с другой, мы можем заметить, что на самом деле он произносится по-разному в этих двух рядах слов. Точно так же мы можем заметить, что в словах *мел*, *сел*, *дед* и т. п. на самом деле мы произносим другое *е*, чем в словах *мель*, *сели*, *дети* и т. п. Первое ударенное *а* в словах *рада*, *сада*, *лада* и т. п. мы произносим по-другому, чем второе, неударенное, и т. д., и т. д. Однако все эти сходные между собой, но могущие быть различаемыми на слух звуки мы объединяем в русском языке в один звуковой тип *ы*, в один звуковой тип *э*, в один

звуковой тип *a* и т. д. И притом так основательно объединяем, что нормально мы даже не замечаем различий этих разных *y*, разных *э*, разных *a* и т. д. Причина этого лежит в том, что в русском языке эти разные оттенки наших звуков сами по себе никогда не могут дифференцировать слова или их формы, являясь лишь функцией каких-то других факторов (в первых двух случаях — твердости или мягкости последующего согласного, в последнем — ударности или неударности самого гласного). Однако в других языках эти наши оттенки могут выступать и в роли самостоятельных звуков, если только они способны дифференцировать слова. Так, по-французски и по-английски те звуки, которые мы называем разными оттенками звука *э*, оказываются совершенно самостоятельными, отдельными звуками (*près* и *pré* во французском, *map* и *men* в английском). То же можно сказать и о разных вышеупомянутых оттенках нашего *a*, являющихся в английском языке самостоятельными звуками, и т. д. (ср. также сказанное в §§ 4 и 5).

§ 16³. Таким образом мы видим, что в живой речи произносится значительно большее, чем мы это обыкновенно думаем, количество разнообразных звуков, которые в каждом данном языке объединяются в сравнительно небольшое число звуковых типов, способных дифференцировать слова и их формы, т. е. служить целям человеческого общения. Эти звуковые типы и именуется в виду, когда говорят об отдельных звуках речи. Мы будем называть их фонемами. Реально же произносимые различные звуки, являющиеся тем частным, в котором реализуется общее (фонема), будем называть оттенками фонем. Среди оттенков одной фонемы обыкновенно бывает один, который по разным причинам является самым типичным для данной фонемы: он произносится в изолированном виде, и собственно он один только и сознается нами как речевой элемент. Все остальные оттенки нормально нами не сознаются как отличные от этого типичного оттенка, и нужна специальная фонетическая дрессировка уха, чтобы научиться слышать их. Для простоты в дальнейшем фонемой будет называться и этот типичный ее оттенок, и лишь когда это будет почему-либо важно, эти понятия будут различаться.

§ 17. Совершенно очевидно с методической точки зрения, что эти типичные оттенки и должны прежде всего изучаться в практической фонетике, так как все остальные оттенки появляются исключительно в зависимости от действия каких-либо специальных факторов; с уничтожением действия этих факторов все эти оттенки стремятся слиться с типичным оттенком.

§ 18. В словообразовании, морфологии и синтаксисе, а также в словаре оттенки не играют никакой роли, а потому в родном языке мы можем о них даже ничего не знать, ибо они чередуются с типичными оттенками в силу наших артикуляционных привычек: произнести иначе нам просто невозможно без предварительной тренировки (например, слово *мель* с *e* из слова *мел*). Но когда мы хотим изучить произношение иностранного языка, то нам приходится изучать и оттенки фонем, и правила их чередования с типичным оттенком, ибо у нас не только нет иностранных артикуляторных привычек, но нам приходится еще бороться со своими привычками, которые в большинстве случаев не годятся для иностранного языка.

§ 19. До понятия фонемы небесполезно дойти еще и следующим образом. Каждый звук человеческой речи существует, подобно всякому звуку вообще, как некое физическое, механическое явление, т. е. как некое колебательное движение, распространяющееся в той или иной среде — это физический аспект звука речи.

Но тот же звук, воспринимаемый нашей нервной системой (периферической и центральной), представляет собою уже другой — биологический — аспект явления, который, очевидно, не только не совпадает с первым, но даже не всегда параллелен ему и во всяком случае находится с ним в весьма сложных функциональных отношениях; например, объективное усиление физического звука воспринимается лишь тогда, когда достигает известного предела, весьма различного в различных местах шкалы слышимых звуков (эти отношения изучаются в так называемой „психофизиологии звука“).

Но очевидно, что существует и третий аспект явления — лингвистический, или, поскольку лингвистика является социальной наукой — социальный. В самом деле, вопросительная частица *a?*, произнесенная громко или шопотом, басом или дискантом, представляет собой, конечно, совершенно разные звуки и физически, и биологически. Однако с лингвистической точки зрения — это одна и та же частица, один и тот же звук. Следовательно, мы в данном случае в частных явлениях, каковыми являются физически и биологически эти разно произнесенные *a?*, видим нечто общее, которое и утилизируем в целях общения.

§ 20. Чем же определяется это общее? Очевидно, именно общением, которое является основной целью языка, т. е. в конечном счете смыслом: единый смысл заставляет нас даже в более или менее разных звуках узнавать одно и то же. Но и дальше, только такое общее важно для нас в лингвистике, которое дифференцирует данную группу (скажем разные *a?*) от

другой группы, имеющей другой смысл (например, от союза *и*, произнесенного громко, шопотом и т. д.). Вот это общее и называется фонемой. Таким образом каждая фонема определяется, прежде всего, тем, что отличает ее от других фонем того же языка. Благодаря этому все фонемы каждого данного языка образуют единую систему противоположностей, где каждый член определяется серией различных противоположений как отдельных фонем, так и их групп.

Более углубленное изложение всего этого вопроса, который подан здесь в максимально упрощенном виде, будет дано мною в Курсе общей фонетики *, а пока могу сослаться на мое старое исследование *Русские гласные в качественном и количественном отношении* (Записки Истор.-фил. фак. Спб. Унив., СХVI, 1912), где уже есть все основное, но где объективная суть вещей осложнена изложением психологической стороны дела. (Дальнейшую библиографию вопроса см. в отделе 3 Приложения I.)

Г. О РАЗНЫХ СТИЛЯХ ПРОИЗНОШЕНИЯ

§ 21. Речь наша не всегда одинакова: она изменяется в зависимости от того, к кому мы обращаемся, в каких условиях мы говорим и с какой целью. Я буду иначе говорить с ребенком, иначе со взрослым; иначе в беседе с одним человеком, иначе в аудитории, обращаясь сразу к нескольким сотням лиц; одно дело — делиться впечатлениями с товарищами, другое — убеждать малознакомых людей в справедливости своих положений и т. д.

Разные формы речи, приспособленные к разным целям и к разным условиям общения, называются стилями речи. Разные стили отличаются друг от друга не только лексически и синтаксически, но и фонетически. В соответствии с большим разнообразием социальных условий речи можно различать множество стилей. Мы будем различать для простоты всего два: один — свойственный спокойной беседе людей, и другой — который мы употребляем, когда по каким-либо причинам хотим сделать нашу речь особо отчетливой, для чего мы ясно артикулируем все слоги каждого слова: первый мы будем называть разговорным стилем, а второй — полным **, так как в нем обнаруживаются такие фонетические свойства слова, которые в условиях обыкновенной речи

* Книга эта осталась ненаписанной. (Прим. ред.)

** Проф. Н. Pernot этот последний стиль называет *силлабическим*, так как по-французски при нем особенно ярко выступает слоговая делимость.

так или иначе скрадываются*. *Я-зы-ка-вы-е а-со-бе-нна-сти* полного стиля превращаются в "з^мкавы^н асоб^{нн}ст^н" разговорного.

Подробнее обо всем этом см. мою статью *О разных стилях произношения* в «Записках Неофилологического общества при Спб. Университете», VIII, 1915.

§ 22. В русском языке разница между этими двумя стилями исключительно велика, но и во французском она значительна, как это будет показано ниже. Педагогическая важность полного стиля не подлежит сомнению. Это как раз тот стиль, в котором педагог преподносит своему ученику чуждые этому последнему звуки и их сочетания, стараясь сделать их ему вразумительными. Это тот стиль, в котором учащийся делает свои первые шаги, медленно и спотыкаясь артикулируя непривычные ему слова. К этому стилю относятся все правила графики и грамматики. С него поэтому надо начинать**, но не надо думать, что разговорный стиль придет сам собой: правила разговорного стиля в каждом языке свои, а потому их приходится систематически изучать. Им посвящены VI и VII главы настоящей книги. Наконец, неправильно думать, что учащихся с самого начала можно ставить лицом к лицу со всем стихийным разнообразием живой речи. Это совершенно невозможно в условиях школьного преподавания при ограниченном числе часов непосредственного воздействия иностранного языка. На первых порах этот последний должен быть строго нормализован (ср. сказанное в § 12).

Д. О ТРАНСКРИПЦИИ

§ 23. Мы уже видели в § 4, что звуков речи бывает больше, чем букв: так, по-английски важно, например, различать два разных *э*, а по-французски — два разных *о*. Поэтому, когда хотят сделать понятными письменные рассуждения о звуках речи,

* Надо иметь в виду, что наше письмо в основном базируется на полном стиле, а не на разговорном.

** Инстинктивно все так и поступают. Однако классики фонетической методики в своем увлечении открытым ими (в буквальном смысле этого слова) разговорным стилем хотели начинать с него (см. книжечку *Sweet, Gesprochenes Englisch*). Но это, конечно, неверно: нет и не может быть общих правил, как переходить от разговорного стиля к полному (могут быть лишь сопоставления разговорной и полной формы отдельных слов: английское разговорное «tə» || полное «tu:» — *to*); правила же обратные — вполне реальны (ср., например, Ушаков, Русское правописание, 1917; он же — Русская орфоэпия и ее задачи, в «Русской речи», III, 1928; Богородицкий, Курс русской грамматики, 1935, отдел о неударяемом вокализме, и т. д.).

приходится увеличить число букв с таким расчетом, чтобы для каждого особого звука была своя особая буква. Для этого и составлялись неоднократно на латинской основе специальные, так называемые фонетические алфавиты. Самый распространенный из них — это алфавит Международной фонетической ассоциации (см. соответствующую таблицу в Приложении II*). В Ленинградской Лаборатории экспериментальной фонетики мы придерживаемся в общем этого алфавита, но с небольшими изменениями и добавлениями. В Приложении II даны наши таблицы, суть которых, однако, не в знаках, а в фонетической теории, лежащей в основе нашей классификации звуко-артикуляторных возможностей человеческого речевого аппарата.

§ 24. Фонетический алфавит нужен, однако, не только для того, чтобы изображать на письме звуки, которые в обыкновенных алфавитах не имеют соответствующих букв, но и для того, чтобы обнаружить, так сказать, истинную звуковую природу языка, скрываемую часто разными национальными орфографиями и специальными алфавитными правилами разных языков. Мы видели уже в § 2, что многие русские слова произносятся не так, как пишутся. Прибавим к этому несколько примеров из английского и французского языков: англ. *night* произносится *найт*, англ. *cheese* произносится *чиз*, франц. *est* произносится *э*, франц. *mauvais* произносится *мовэ* и т. д.

§ 25. Запись речи посредством фонетического алфавита на основе строго проводимого звукового принципа называется транскрипцией. При этом, если мы будем записывать только фонемы (см. выше, § 16), то получим фонологическую, или фонематическую транскрипцию. Если же будем записывать и все оттенки, в которых фонема существует в языке, то получим фонетическую транскрипцию. Фонологическую транскрипцию можно сделать и при посредстве национального алфавита, если все фонемы находят в нем себе свой особый способ выражения.

§ 26. В этом параграфе я привожу фонологическую транскрипцию первых трех строф пушкинского «Памятника»

* Фонетический алфавит может быть построен и на основе русского алфавита: такова старая академическая транскрипция для так называемых восточных языков, таков алфавит, употребляемый проф. В. А. Богородицким, таков алфавит, употребляемый в словаре К. А. Ганшиной. Но я нахожу это неудобным. Во-первых, это изолирует нас от обширной специальной и учебной литературы, употребляющей фонетические алфавиты на латинской основе; во-вторых, это невыгодно в педагогическом отношении: русские буквы естественно вызывают русское произношение, между тем как с ним-то мы и должны здесь прежде всего бороться.

в полном стиле, сначала фонетическим алфавитом, а потом обыкновенным русским, а еще ниже — фонетическую транскрипцию первой строфы того же стихотворения в разговорном стиле.

«|ja-¹pa-m'a-t¹ik-s'e-b'e-va-¹zdv'ik-n'e-ru-ka-¹tvor-nyj | *
 kn'e-¹mu-n'e-za-ra-¹st'ot } na-¹ro-dna-ja-tra-¹pa |
 va-¹zn'oc-s's'a-¹vy-še-on | g¹la-¹v^o-ju-n'e-pa-¹kor-naj |
 a-¹e-ksan-¹dr'ijs-ka-va-sta-¹lpa ||
¹n'et-¹¹v'es-¹ja-n'e-u-¹lmru || du-¹ša } vza-¹v'e-tnaj-¹i-r'e }
¹m^oj-¹¹prax-p'e-r'e-žy-¹v'ot | i-¹tl'e-n'¹ja-u-b'e-¹žyt ||
 i-¹s¹la-v'en-bu-du-¹ja | da-¹kol'-¹fpa-¹d¹lu-nnam-¹m'i-r'e }
¹žyf-bu-d'et-xa¹'-a-¹d'in-p'i-it ||
¹s¹lux-a-ba-¹mn'e-praj-d'ot } pa-¹fs'ej-ru-¹s'i-v'e-¹i-kaj |
 i-na-za-¹v'ot-m'e-n'a } fs'ak-su-ščij-¹vn'ej-ja-¹зык |
 i-¹g^or-dыj-¹vnuk-s¹la-¹v'an || i-¹f'in || i-¹ny-n'e-¹d'i-kaj ** }
 tun-¹gus || i-¹druk-st'e-¹p'ej } ka-¹лмык ||»
¹я-¹¹па-мя-тник-се-бе-ва-¹звдик-не-ру-ка-¹твор-ный |
 кне-¹му-не-за-ра-¹стёт } на-¹ро-дна-я-тра-¹па |
 ва-¹знё-сса-¹вы-ше-он | гла-¹во-ю-не-па-¹кор-най |
 а-ле-ксан-¹дрийс-ка-ва-ста-¹лпа ||
¹нет-¹¹весь-¹я-не-у-¹мру || ду-¹ша } вза-¹ве-тнай-¹ли-ре }
¹мой-¹¹прах-пе-ре-жы-¹вёт | и-¹тле-нья-у-бе-¹жыт ||
 и-¹сла-вен-бу-ду-¹я | да-коль-фпа-¹длу-ннам-¹ми-ре }
¹жыф-бу-дет-хать-а-¹дин-пи-ит ||
¹слух-а-ба-¹мне-прай-¹дёт } па-¹фсей-ру-¹си-ве-¹ли-кай |
 и-на-за-¹вёт-ме-¹ня } фсяк-¹су-щий-¹вне-я-¹зык |
 и-¹гор-дый-¹внук-сла-¹вян || и-¹фин || и-¹ны-не-¹ди-кай *** }
 тун-¹гус || и-¹друк-сте-¹пей } ка-¹лмык ||
¹ja-¹¹pa-m'it-n'ik-s'i-b'e-¹vl-¹zdv'i-k-n'i-r^ou-ka-¹tv^ov^o-r-naj |
 kn'i-¹m^o-n'i-zə-r¹st'yt } n¹-r^ov^o-d-nə-tr¹pa |
 vl-¹zn'oc-s's'æ-¹vy-še-on | g¹la-¹v^o-γ-n'i-r¹ka-¹v^o-r-naj |
 a-¹ik-san-¹dr'ijs-kə-¹vl-st¹-lpa ||

* Знак ¹ или ¹¹ означает ударение. Знак ' — смягчение согласного.

** В современном произношении также d'ik'tj.

*** В современном произношении также д и к и й.

§ 27. Закключаю этот отдел таблицей французских фонем в транскрипции Международной фонетической ассоциации, которой мы и будем целиком придерживаться в применении к французскому языку.

Таблица I

ФОНЕМЫ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА

Phonèmes de la langue française

ПО ЩЕРБЕ			ГУБНЫЕ—LABIALES		ПЕРЕДНЕ-ЯЗЫЧНЫЕ PRÉLINGUALES	СРЕДНЕ-ЯЗЫЧНЫЕ MÉDIOLINGUALES	ЗАДНЕ-ЯЗЫЧНЫЕ POSTLINGUALES	УВУЛЯРНЫЕ UVULAIRES	
			ГУБНО-ГУБНЫЕ BILABIALES	ГУБНО-ЗУБНЫЕ DENTILABIALES					
СОГЛАСНЫЕ CONSONNES	ШУМНЫЕ—BRUTS	СМЫЧНЫЕ OCCLUSIVES	p b		t d		k g		
		ЩЕЛЧЕВЫЕ CONSTRUCTIVES		f v	s z				
	СОЗНАТЫ—SONNANTES	СМЫЧНЫЕ НОСОВЫЕ OCCLUSIVES NASALÉS	m		n	ɲ			
		ЩЕЛЧЕВЫЕ CONSTRUCTIVES	СЕРЕДИННЫЕ MÉDIANES	wç			j		ʝ
			БОКОВЫЕ LATÉRALES			l			
ГЛАСНЫЕ VOYELLES			ПЕРЕДНИЕ—ANTÉRIEURES				ЗАДНИЕ—POSTÉRIEURES		
			y i					u	
		ø: e					o:		
		œ: ə œ ɛ ɛ̃					ɔ̃ ɔ̄		
			a				ɑ: ā:		

К этой таблице я прибавлю еще табелярное сопоставление международной транскрипции (в таблице — A. ph.) с транскрипциями звуков французского языка Grammont (A, 7;

в таблице — Gr.), Rousselot (A, 4; в таблице — R.), Dictionnaire Général (D, 3; в таблице — D.) и Nouveau Petit Larousse Illustré (D, 4; в таблице — L.)

A. ph.	Gr.	R.	D.	L.
«i»	<i>i</i>	<i>i, i'</i>	<i>i</i>	<i>i, i'</i>
«e»	<i>é</i>	<i>é</i>	<i>é</i>	<i>é</i>
«ε»	<i>è</i>	<i>e, è</i>	<i>è</i>	<i>è</i>
«ε:»	<i>ė</i>	<i>é</i>	<i>ė</i>	<i>è</i>
«a»	<i>á</i>	<i>a</i>	<i>à</i>	<i>a</i>
«a a»	<i>a á</i>	<i>á</i>	<i>á á</i>	<i>á</i>
«o»	<i>ò</i>	<i>o, ó</i>	<i>ò</i>	<i>o</i>
«o: o»	<i>ó ó</i>	<i>ó</i>	<i>ó ó</i>	<i>ó (o)</i>
«u»	<i>u</i>	<i>u, °u</i>	<i>ou</i>	<i>ou, ou'</i>
«y»	<i>ü</i>	<i>u, ú</i>	<i>u</i>	<i>u, ú</i>
«ø: ø»	<i>æ æ'</i>	<i>æ</i>	<i>eu eú</i>	<i>eâ (eu)</i>
«œ»	<i>æ</i>	<i>æ, æ'</i>	<i>eù</i>	<i>eu</i>
«æ»	<i>æ</i>	<i>æ</i>	<i>e</i>	<i>e</i>
«ã»	<i>ã</i>	<i>ã</i>	<i>an</i>	<i>an</i>
«ẽ»	<i>ẽ</i>	<i>ẽ</i>	<i>in</i>	<i>in</i>
«õ»	<i>õ</i>	<i>õ</i>	<i>on</i>	<i>on</i>
«œ̃»	<i>œ̃</i>	<i>œ̃</i>	<i>un</i>	<i>un</i>
«m»	<i>m</i>	<i>m</i>	<i>m m'</i> (не перед гласным)	<i>m m'</i> (на конце)
«n»	<i>n</i>	<i>n</i>	<i>n n'</i> (не перед гласным)	<i>n n'</i> (на конце)
«ɲ»	<i>ñ</i>	<i>n</i>	<i>ñ</i>	<i>gn</i>
«k»	<i>k</i>	<i>k̃</i>	<i>k</i>	<i>k</i>
«g»	<i>g</i>	<i>g</i>	<i>g gh</i>	<i>g</i>
«ʃ»	<i>š</i>	<i>ç</i>	<i>ch</i>	<i>ch</i>
«ʒ»	<i>ž</i>	<i>j</i>	<i>j</i>	<i>j</i>
«j»	<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y</i>	<i>y, i</i>
«w»	<i>w</i>	<i>w</i>	<i>w</i>	<i>w, ou</i>
«ç»	<i>ÿ</i>	<i>ÿ</i>	<i>u</i>	<i>u</i>

ПРИМЕЧАНИЯ РЕДАКТОРА

1) К стр. 13, прим. 3

Поскольку ошибки второго типа являются ошибками в различении противопологающихся друг другу фонем, то их предпочтительнее называть фонематическими.

2) К стр. 17, § 13

Наблюдения последних лет за речью французов (по радио, по звукозаписи) показывают, что современное французское произношение, во всяком случае в полном стиле (см. § 21), вполне соответствует во всем основном тем орфоэпическим правилам, которые даны во французской фонетической литературе и изложены также и в данной книге; расхождения наблюдаются только в деталях. Кроме того, в книге Граммона (А,7), вышедшей в 1951 г. новым изданием, пересмотренным и дополненным, также не отмечается крупных расхождений с прежними произносительными правилами. Все это лишний раз свидетельствует о большой устойчивости французской орфоэпической нормы.

3) К стр. 18, § 16

Учение о фонеме, одним из основателей которого был Л. В. Щерба, изложено в книге в самом сжатом виде и, может быть, требует дополнительных пояснений. Поэтому представляется небесполезным отметить самое существенное.

Основным положением для Л. В. Щербы была неразрывная связь фонемы со звучанием, поскольку языковое общение осуществляется через звуковую речь. Здесь Щерба отметил тот факт, что в каждом языке в живой речи существует большое количество разнообразных звуков, которые, группируясь, образуют гораздо меньшее количество звуковых единиц, обладающих смыслоразличительной функцией, т. е. используемых в целях общения; их Л. В. Щерба и назвал звуковыми типами, или фонемами. Стремясь объяснить соотношение между понятием фонемы (т. е. лингвистически используемой в данном языке звуковой единицей) и ее оттенками, т. е. теми различными звуками, в которых она существует в живой речи, Л. В. Щерба подошел к этому вопросу с точки зрения диалектико-материалистической философии, а именно рассматривал его в плане соотношения общего и частного. Таким образом, фонема это то общее, которое существует в речи в ряде частных, т. е. в оттенках (надо отметить, что Л. В. Щерба употребляет при этом неудачное выражение, говоря, что «фонема реализуется в оттенках»; это слово — реализуется — может повести к неправильному пониманию фонемы, как чего-то существующего в не конкретных звуках речи). Следовательно, при таком толковании соотношения между фонемой и оттенками, фонема неразрывным образом связывается со звучанием, т. е. с «природной материей языка».

Выводом из изложенного положения является тесная связь фонемы с лексикой и грамматикой. Поскольку все слова любого языка в их грамматических формах существуют только в звучании, то естественно, что фонемы играют исключительно важную роль, входя в слова в качестве их составных элементов и используя для различения значения слов или их грамматических форм. При этом фонема может быть связана со смыслом и непосредственно, т. е. играть роль либо тех или иных грамматических показателей, либо даже целых слов (например, русские гласные выполняют различные грамматические функции — окончаний и т. п., или являются словообразовательными элементами — приставками и т. п., или, наконец, отдельными словами — союзами и т. п.). Эта возможность быть непосредственно связанной со смыслом (т. е. выступать в роли отдельных морфем) и является, по мнению Л. В. Щербы, одним из основных признаков фонемы.

Далее, фонемы, представляя собой ту звуковую оболочку, в которой существуют слова языка, естественно, не могут находиться в неизменном состоянии: с развитием языка — его лексики и грамматики — изменяется и звуковой строй, т. е. состав фонем. В языке появляются некоторые новые фонемы, а те или иные старые фонемы могут исчезнуть. Это положение о медленном, но непрерывном развитии состава фонем в языке не развито в данной книге, так как Л. В. Щерба писал ее не в историческом плане, однако в других своих работах он это подчеркивал.

Вот основные линии учения о фонеме Л. В. Щербы, которые я здесь не имею возможности разбирать более подробно. Я хотела лишь показать, что его главнейшие положения соответствуют марксистско-ленинскому учению о роли звукового языка как средства общения, положению о недопустимости отрыва языка от его «природной материи», т. е. от звучания, положению о медленном, но непрерывном развитии языка, в частности его звукового строя.

Однако нельзя не отметить, что, несмотря на правильную основу, Л. В. Щерба все же допустил в книге ряд фонологических трактовок, идущих вразрез с его основными установками; в тексте имеются также некоторые противоречия и неясности. В соответствующих местах будут сделаны поэтому надлежащие примечания.

4) К стр. 30, § 35

Указанная разница в положении подъязычной кости при гласных переднего и заднего ряда не представляется вполне убедительной. Л. В. Щерба пришел к этой мысли путем самонаблюдения за движением подъязычной кости, но экспериментально этого не проверил. На рентгенограммах, полученных в настоящее время, разницы в ее положении как будто не заметно. Возможно, что разница все же есть, но она заключается не в движении вперед или назад, а в более низком положении при гласных заднего ряда и более высоком — при передних гласных. Однако этот вопрос подлежит конечно, еще внимательной проверке с помощью рентгеноскопии.